

УДК 327:341.221:551.583(57)(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2026-26-7-144-153

ВОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И МНОГОПОЛЯРНОСТИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

А.Д. Джекшенкулов

Аннотация. Исследуются концептуальные основы и практические механизмы водной дипломатии Кыргызской Республики в контексте нарастающего климатического кризиса и трансформации мирового порядка. Анализируется правовая база управления трансграничными водными ресурсами Центральной Азии, включая новый Водный кодекс Кыргызской Республики 2025 года и Национальную водную стратегию Кыргызской Республики до 2040 года. Обосновывается необходимость перехода от реактивной к проактивной позиции Кыргызстана в водных переговорах, формирования механизмов оплаты экосистемных услуг и создания регионального водно-энергетического консорциума. Показана роль института государственного суверенитета над водными ресурсами в условиях деградации ледников и маловодья. Предложенная К.К. Рахимовым концепция «водного суверенитета развития» (WSD) рассматривается как нормативная рамка внешней водной политики Кыргызской Республики. Вклад настоящей статьи состоит в правовой операционализации этой рамки: притязания государства верховья увязываются с нормой об исключительной государственной собственности на водные ресурсы, закреплённой Водным кодексом Кыргызской Республики 2025 года, и полученная конструкция прикладывается к переговорной практике Кыргызстана. Показана взаимодополняемость WSD и концепции гидродоверия.

Ключевые слова: водная дипломатия; Центральная Азия; Кыргызская Республика; трансграничные водные ресурсы; Водный кодекс; Национальная водная стратегия; изменение климата; деградация ледников; водно-энергетический консорциум; многополярность.

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН СУУ ДИПЛОМАТИЯСЫ КЛИМАТТЫН ӨЗГӨРҮШҮ ЖАНА КӨП УЮЛДУУЛУК ШАРТЫНДА: УКУКТУК НЕГИЗДЕРИ ЖАНА СТРАТЕГИЯЛЫК АРТЫКЧЫЛЫКТУУ БАГЫТТАРЫ

А.Д. Джекшенкулов

Аннотация. Макалада күчөп жаткан климаттык кризис жана дүйнөлүк тартиптин трансформациясы контекстинде Кыргыз Республикасынын суу дипломатиясынын концептуалдык негиздери жана практикалык механизмдери изилденет. Борбордук Азиянын трансгегаралык суу ресурстарын башкаруунун укуктук базасы, анын ичинде Кыргыз Республикасынын Суу кодекси жана Кыргыз Республикасынын 2040-жылга чейинки Улуттук суу стратегиясы талдоого алынат. Суу боюнча сүйлөшүүлөрдө Кыргызстандын реактивдүү позициядан проактивдүү (демилгелүү) позицияга өтүүсүнүн, экотутумдук кызмат көрсөтүүлөрдүн акысын төлөө механизмдерин калыптандыруунун жана регионалдык суу-энергетикалык консорциумун түзүүнүн зарылчылыгы негизделет. Мөңгүлөрдүн деградациясы жана суунун тартыштыгы шарттарында суу ресурстарына карата мамлекеттик суверенитет институтунун ролу көрсөтүлгөн. Кыргыз Республикасынын тышкы суу саясатынын ченемдик негизи катары автордук «өңгүүнүн суу суверенитети» концепциясы сунушталган.

Түйүндүү сөздөр: суу дипломатиясы; Борбордук Азия; Кыргыз Республикасы; трансгегаралык суу ресурстары; Суу кодекси; Улуттук суу стратегиясы; климаттын өзгөрүшү; мөңгүлөрдүн деградациясы; суу-энергетикалык консорциум; көп уюлдуулук.

WATER DIPLOMACY OF THE KYRGYZ REPUBLIC IN THE CONTEXT OF CLIMATE CHANGE AND MULTIPOLARITY: LEGAL FOUNDATIONS AND STRATEGIC PRIORITIES

A.D. Dzhekshenkulov

Abstract. The article examines the conceptual foundations and practical mechanisms of water diplomacy of the Kyrgyz Republic in the context of the growing climate crisis and transformation of the world order. The legal framework for managing transboundary water resources in Central Asia is analyzed, including the Water Code of the Kyrgyz Republic and the National Water Strategy of the Kyrgyz Republic until 2040. The paper substantiates the need for Kyrgyzstan to shift from a reactive to a proactive stance in water-related negotiations, to develop mechanisms for paying for ecosystem services, and to establish a regional water and energy consortium. It highlights the role of the institution of state sovereignty over water resources amid glacier degradation and water scarcity. The author's concept of 'water sovereignty for development' is proposed as a normative basis for a new generation of negotiating positions.

Keywords: water diplomacy; Central Asia; Kyrgyz Republic; transboundary water resources; Water Code; National Water Strategy; climate change; glacier degradation; water-energy consortium; multipolarity.

Введение. Водный вопрос занимает особое место в системе национальных интересов Кыргызской Республики. Средний многолетний годовой сток рек республики составляет 48,7 км³ и формируется целиком на её собственной территории; страна при населении около 7,4 млн человек выступает зоной формирования около 80 % стока р. Сырдарьи, 90 % стока р. Талас, 78 % стока р. Чу и порядка 3 % стока р. Амударьи [1]. Это географическое положение наделяет Кыргызстан исключительным стратегическим ресурсом и одновременно возлагает на него тяжёлое бремя: необходимость согласовывать собственные интересы в области гидроэнергетики, ирригации и питьевого водоснабжения с интересами нижележащих государств – Узбекистана, Казахстана и Туркменистана, – чьи экономики в значительной мере зависят от воды, формирующейся на кыргызской территории.

Актуальность проблемы резко возросла в последнее десятилетие под воздействием двух взаимосвязанных процессов. Первый – *климатический*: ускоренная деградация ледников, питающих реки Центральной Азии, кардинально меняет долгосрочные балансы водности. По реконструкции, охватывающей 1961–2012 годы, ледники Тянь-Шаня потеряли 27 ± 15 % массы и 18 ± 6 % площади, а около половины ледникового объёма горной системы может быть исчерпано уже к 2050-м годам [2]. Сокращение оледенения наиболее выражено в периферийных низковисотных хребтах, примыкающих к густонаселённым предгорьям, – там, где талый сток

критичен для водообеспечения [3]. Второй процесс – *геополитический*: формирование многополярного миропорядка создаёт новую конфигурацию внешних акторов в регионе – Китай, Россия, исламские финансовые институты, западные банки развития, – каждый из которых имеет собственные интересы в водно-энергетической сфере.

Цель данной статьи – на основе анализа действующей нормативной базы Кыргызской Республики (далее – КР) и современных концепций международного водного права обосновать стратегические приоритеты водной дипломатии Кыргызстана, отвечающие как национальным интересам страны, так и принципам регионального сотрудничества. В литературе о трансграничных водах сложились два основных объяснения того, как распределяются выгоды. Подход разделения выгод (benefit sharing) выводит справедливую долю из добровольной кооперации прибрежных государств и расширения круга совместно создаваемых благ [4]. Исследования гидрогегемонии, напротив, объясняют устойчивость сложившейся асимметрии соотношением силовых ресурсов сторон, в том числе применительно к бассейну Аральского моря [5, 6]. От обоих подходов отличается Концепция «водного суверенитета развития» (Water Sovereignty for Development, WSD), предложенная К.К. Рахимовым [7]: она выводит притязание государства верховья не из доброй воли партнёров и не из переговорной силы, а из правового титула на ресурс и из поддающихся расчёту

издержек содержания водорегулирующей функции горных экосистем. Настоящая статья принимает WSD как исходную нормативную рамку и не претендует на её авторство.

Научная новизна работы состоит в правовой операционализации этой рамки применительно к Кыргызской Республике: показано, что норма статьи 4 Водного кодекса Кыргызской Республики 2025 года [8] об исключительной и неотчуждаемой государственной собственности на водные ресурсы образует внутригосударственное основание для притязаний, которые WSD обосновывает доктринально, и прослежено, какие следствия эта связка имеет для конкретных переговорных сюжетов Кыргызстана – режима Камбар-Атинской ГЭС-1, статуса республики в МФСА и повестки климатической адаптации.

Правовые основы управления водными ресурсами Кыргызской Республики. Нормативная архитектура водного сектора Кыргызской Республики за последние годы обновилась принципиально. Базовым национальным актом является новый Водный кодекс КР от 27 июня 2025 года № 128, введённый в действие Законом Кыргызской Республики от 27 июня 2025 года № 129 по истечении шести месяцев со дня официального опубликования – со 2 января 2026 года – и заменивший Водный кодекс 2005 года вместе с более чем полутора десятками устаревших подзаконных актов [8]. Статья 4 Кодекса закрепляет, что водные ресурсы Кыргызской Республики являются исключительной и неотчуждаемой собственностью государства, а земли водного и ирригационного фондов, занятые водными объектами и водохозяйственными сооружениями, также находятся в исключительной государственной собственности. Кодекс закрепляет бассейновый подход к управлению, тарификацию водопользования и переход ирригационных сооружений сельских округов в государственную собственность. Норма об исключительной собственности создаёт внутреннее правовое основание для постановки вопроса о компенсации за трансграничное использование водного ресурса.

Стратегическим документом нового поколения стала Национальная водная стратегия

Кыргызской Республики до 2040 года, утверждённая Указом Президента Кыргызской Республики от 10 февраля 2023 года УП № 23 [1]. Стратегия подготовлена при финансовой и технической поддержке Швейцарского агентства по развитию и сотрудничеству (ШАРС), которое выступало в роли донора, предоставляя финансирование через трастовый фонд, и Всемирного банка, выполняющего функцию администратора трастового фонда в рамках проекта «Управление национальными водными ресурсами» (ПУНВР). Документ базируется на принципах интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР): постановлением Кабинета Министров КР от 17 февраля 2023 года утверждены территориальные границы главных речных бассейнов республики, на основе которых выстраивается система бассейновых управлений.

В плоскости международного права центральной точкой отсчёта остаётся Конвенция ООН 1997 года о праве несудоходных видов использования международных водотоков [9]. Её доктринальный каркас образуют два взаимообусловленных стандарта: требование справедливого и разумного использования ресурса (*equitable and reasonable utilization*) и обязательство не причинять государствам-соседям существенного вреда (*no significant harm*). Региональный охват Конвенции, однако, остаётся неполным: из государств Центральной Азии к ней присоединился Узбекистан – постановлением Президента Республики Узбекистан от 9 августа 2007 года № ПП-683 [10]. Для Кыргызстана прямое применение конвенционных стандартов сопряжено и с фундаментальной аналитической трудностью. Как показывает опыт применения норм международного водного права к конкретным трансграничным бассейнам, содержание «справедливой доли» решающим образом зависит от того, какая исходная точка принимается за базовую [11].

Советская система водораспределения в Центральной Азии была выстроена под нужды ирригационного комплекса низовий и отражала приоритеты плановой экономики, а не логику справедливого баланса интересов суверенных государств. Наследовать эту систему как отправную точку при исчислении «разумной» доли каждой

страны означало бы консервировать изначально асимметричную конструкцию – тогда как именно её преодоление и составляет содержательную задачу регионального водного диалога.

Регионально-институциональный пласт складывался в два этапа, и их порядок принципиален. Фундаментом послужило межгосударственное соглашение, заключённое в г. Алма-Ате 18 февраля 1992 года: оно закрепило принципы совместного управления трансграничными водными ресурсами межгосударственных источников и учредило Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию (МКВК). Международный фонд спасения Арала (МФСА) был образован позднее – решением глав государств Центральной Азии от 4 января 1993 года, а Положение о Фонде подписано в г. Кызылорде 26 марта того же года; лишь затем МКВК с бассейновыми водохозяйственными объединениями по Амударье и Сырдарье вошли в структуру Фонда. Таким образом, базовое соглашение 1992 года не является актом МФСА и по своей юридической природе предшествует той институциональной надстройке, которая впоследствии стала предметом критики. Три десятилетия функционирования МФСА обнажили принципиальное слабое место системы: декларируемые нормы межгосударственного водного сотрудничества и реальное переговорное поведение стран существенно расходятся. Данное противоречие имеет структурный характер – оно воспроизводится независимо от конъюнктуры отношений, поскольку укоренено в неравенстве переговорного веса участников. Кыргызстан и Таджикистан как государства верховья систематически оказываются в невыгодной позиции: механизм принятия решений в МФСА исторически тяготеет к интересам водопотребляющих экономик низовий – Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. Именно этим объясняется решение Кыргызской Республики, принятое в 2016 году, о «замораживании» своего участия в деятельности Фонда и его органов до проведения полноформатной реформы [12]. По существу, позиция страны с тех пор не изменилась: участие Президента Кыргызской Республики в заседании Совета глав государств – учредителей МФСА в г. Астане 22 апреля 2026 года

сопровождалось повторной постановкой вопроса о реформировании Фонда [13]. Критика механизма ведётся Кыргызстаном, следовательно, не со стороны, а изнутри незакрытого институционального спора, и это обстоятельство составляет часть исходных условий любой переговорной стратегии. Теоретически описанное состояние есть дефицит гидродоверия – взаимного политического доверия, без которого региональная водная интеграция неосуществима. Гидродоверие двухслойно: помимо доверия между государствами оно предполагает доверие к верифицированным данным о стоке, поскольку, пока стороны выходят на переговоры с несопоставимой статистикой, у них отсутствует общая фактическая база; отсюда значение цифровизации мониторинга и наднациональных институциональных площадок [14]. WSD и гидродоверие не альтернативны, а взаимодополняемы: первое определяет содержание справедливого притязания государства верховья, второе – условия, при которых это притязание становится предметом переговоров, а не конфронтации. Цена этой несогласованности поддаётся количественной оценке: ежегодный экономический ущерб и нереализованные выгоды региона от недостаточного уровня кооперации в водно-энергетическом комплексе оцениваются в 4,5 млрд долл. США, или около 1,5 % регионального ВВП, причём по обеспеченности водными ресурсами страны Центральной Азии уже относятся к категории недостаточно обеспеченных – 1405 м³ на человека в год при пороговом значении 1700 м³ [15].

Концепция «водного суверенитета развития» и её правовое основание в законодательстве Кыргызской Республики. В политической науке концепция государственного суверенитета над природными ресурсами (Permanent Sovereignty Over Natural Resources) получила закрепление в серии резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, начиная с 1962 года. Применительно к водным ресурсам данная концепция требует теоретической коррекции: в отличие от нефти или газа, вода является трансграничным ресурсом, потоки которого не знают государственных границ.

Предлагаемая Концепция «водного суверенитета развития» (WSD) разграничивает два

измерения суверенной власти над трансграничными водами. Первое – *суверенитет регулирования*: право государства верховья устанавливать режим стока в пределах своей территории, включая строительство гидроузлов, без необходимости получения разрешения государств низовья (при соблюдении принципа no harm). Второе – *суверенитет распределения выгод*: право получать справедливую долю экономических выгод от использования водного ресурса соседними государствами, выраженную в форме прямых платежей, участия в капитале совместных проектов или компенсационных поставок.

Различие между WSD и подходом разделения выгод проходит по источнику притязания. В логике benefit sharing доля государства верховья есть производная переговорного результата и потому колеблется вместе с соотношением сил сторон. В логике WSD она производна от права собственности на ресурс и от документально измеримых издержек по поддержанию водорегулирующей функции, то есть остаётся величиной, подлежащей расчёту, а не только торгу. Здесь обнаруживается точка приложения настоящей статьи. В доктринальной формулировке WSD правовой титул государства верховья присутствует как общая посылка; для Кыргызской Республики он теперь имеет конкретное законодательное выражение. Норма статьи 4 Водного кодекса 2025 года переводит эту посылку из плоскости доктрины в плоскость действующего национального права, а тем самым – в плоскость переговорного аргумента, который сторона может предъявить, не апеллируя к справедливости как таковой. Недостающими звеньями остаются методика расчёта издержек водорегулирующей функции и институциональный канал предъявления требования; их проработка составляет предмет отдельного исследования.

Практическим инструментом реализации WSD выступает монетизация экосистемных услуг водного характера через механизм Payment for Ecosystem Services (PES). Вклад Кыргызстана в региональный водный баланс поддаётся достаточно чёткой классификации. *Во-первых*, страна выполняет функцию аккумулятора и регулятора стока: горные ледники и высокогорные водосборы накапливают воду в виде снежно-ледниковых

запасов и высвобождают её в вегетационный период, когда потребность в орошении в низовьях максимальна. *Во-вторых*, Кыргызстан управляет многолетним регулированием через Токтогульское и другие крупные водохранилища, определяя межгодовое сглаживание стоковых колебаний. *В-третьих*, горные реки, формирующиеся на территории республики, обладают существенно более высокими качественными параметрами, чем транзитные водотоки аридной зоны, что снижает для нижележащих государств стоимость водоподготовки. Мировая практика предлагает апробированные форматы PES – от прямых межгосударственных платёжных соглашений до фондовых механизмов с участием международных доноров. Для Кыргызстана принципиально важно, что переход к логике PES не означает «продажи воды»: речь идёт о признании того факта, что поддержание водорегулирующей функции горных экосистем требует инвестиций, которые справедливо должны нести все выгодоприобретатели системы, а не только государство верховья [16].

Гидроэнергетика и региональные противоречия: кейс Камбар-Аты-1. Проект строительства Камбар-Атинской ГЭС-1 (КАГЭС-1) является ключевым тестом на состоятельность водной дипломатии Кыргызстана. Объект проектируется на реке Нарын – главном притоке Сырдарьи. Проектная мощность составляет 1860 МВт с объёмом водохранилища 5,5 км³, что после завершения строительства сделает её крупнейшим гидротехническим объектом страны, вторым после Токтогульской ГЭС – нынешнего флагмана гидроэнергетики Кыргызстана с установленной мощностью 1200 МВт и водохранилищем объёмом 19,5 км³ [17].

Первая попытка строительства на этой площадке была предпринята в 1986 году и прервана распадом СССР; проект получил статус национального и вернулся в активную фазу подготовительных работ в 2022 году.

Дипломатическое оформление проекта прошло два последовательных этапа. 6 января 2023 года в Бишкеке министры энергетики Кыргызской Республики, Республики Казахстан и Республики Узбекистан подписали дорожную карту по реализации строительства Камбаратинской

ГЭС-1, зафиксировав базовые условия сотрудничества. 11 июня 2024 года в Вене, в рамках Международного инвестиционного энергетического форума, те же стороны подписали межведомственное соглашение о подготовке к реализации проекта строительства и эксплуатации станции; тогда же был сформирован Координационный донорский комитет по проекту [18]. Обсуждаемая схема долевого участия – 34 % у Кыргызстана и по 33 % у Казахстана и Узбекистана. Всемирный банк оказывает проекту техническую поддержку, включающую обновление технико-экономического обоснования 2014 года, подготовку экологической и социальной документации и разработку финансовой модели [19]. Публично озвученные в октябре 2025 года параметры финансирования предполагают общую стоимость строительства порядка 4,5 млрд долл. США при вкладе каждой из трёх сторон около 1,5 млрд долл. [20]. Таким образом, принципиальная схема совместной реализации и порядок величин согласованы, тогда как окончательные финансовые и технические параметры остаются предметом переговоров.

Анализ переговорной динамики показывает, что ключевым камнем преткновения остаётся вопрос режима работы водохранилища: Кыргызстан стремится к энергетическому режиму (накопление зимой, выработка электроэнергии в зимний пик потребления), тогда как страны низовья настаивают на ирригационном режиме (сброс летом для нужд орошения). Именно это структурное противоречие, унаследованное от советской системы водно-энергетического обмена, составляет суть переговорной проблемы. Принципиальным решением могло бы стать создание регионального водно-энергетического консорциума с распределением роялти от продажи электроэнергии в пользу государств, несущих издержки от изменения ирригационного режима. Идея консорциума не нова, и её первая итерация закончилась неудачей: решениями глав правительств региона второй половины 1990-х годов предписывалась разработка устава и учредительного договора Международного водно-энергетического консорциума, позднее концепция создания консорциума была одобрена в рамках организации «Центрально-Азиатское

сотрудничество», однако ни одно из этих решений выполнено не было [21]. Причина провала носит конструктивный, а не конъюнктурный характер: консорциум задумывался как надстройка над сложившимся балансом интересов и не имел собственного источника дохода, который окупал бы уступки сторон. Отсюда следует условие состоятельности второй попытки – консорциум должен строиться вокруг нового генерирующего актива, создающего добавленную стоимость сверх нынешнего распределения. Именно такую конструкцию предполагает разработанная автором совместно с К.К. Рахимовым модель Водно-атомно-энергетического консорциума (ВАЭК), в которой базовым источником стоимости выступает атомная генерация, снимающая с гидроузлов бремя зимней выработки и тем самым высвобождающая водохранилища для ирригационного режима [22].

Климатический вызов и новая водная повестка. Изменение климата кардинально меняет параметры водно-ресурсной ситуации в Центральной Азии, превращая водную дипломатию из относительно статичной в динамически нестабильную сферу. Кыргызстан располагает крупнейшим оледенением региона: 8284 ледника общей площадью 8022,1 км², объёмом льда 549,0 км³ и запасом воды в ледниках 494,1 км³, что превосходит показатели Таджикистана, Казахстана и Узбекистана [1]. Именно этот ледниковый резервуар выполняет функцию межсезонного и межгодового регулятора стока для всего бассейна Аральского моря.

Деградация оледенения при этом уже зафиксирована документально. По данным Центральноазиатского института прикладных исследований Земли, приводимым в Национальной водной стратегии, за семидесятилетний период общая площадь оледенения республики сократилась на 16 %, площадь крупных ледников – на 17 %, тогда как общее число ледников выросло на 22 %: рост количества здесь означает не прирост, а распад крупных массивов на мелкие фрагменты. Стратегия прямо констатирует, что к 2100 году ледники могут сохраниться лишь в наиболее высоко расположенных районах, а речной сток снизится по отношению к уровню 2000 года на 30–43 % в бассейне реки Карадарья, на 27–48

% – в южной части Ферганской долины и на 28–56 % – в бассейне Амударьи [1].

Динамика ледникового покрова Кыргызстана задаёт специфическую темпоральную логику водной дипломатии. В краткосрочной перспективе – приблизительно на протяжении ближайших двух-трёх десятилетий – интенсификация таяния будет давать парадоксальный эффект прироста стока: высвобождение накопленных за столетия водных запасов создаёт видимость достаточного водообеспечения. Это, однако, обманчивое благополучие. Параллельно нарастает угроза иного рода – внезапные прорывы приледниковых озёр и провоцируемые ими сели, чья разрушительная сила хорошо известна жителям горных районов республики. Когда к середине текущего столетия аккумулярованные запасы льда будут в значительной мере исчерпаны, тренд обратится: реки, питаемые сегодня ледниковым таянием, утратят этот источник подпитки и перейдут в режим хронического маловодья.

Шестой оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК; *англ.* Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC) фиксирует с высокой степенью уверенности продолжающееся сокращение оледенения Высокогорной Азии, включая Тянь-Шань и Памир, при неравномерности этого процесса между субрегионами [23]. Количественную рамку задают модельные расчёты, обобщённые в специальном докладе МГЭИК по океану и криосфере: при высокоэмиссионном сценарии RCP 8.5 (Representative Concentration Pathway – репрезентативный путь концентрации) ледники Высокогорной Азии к концу столетия (2071–2100 годы) потеряют порядка 64 ± 5 % массы [24; 25]. Это означает, что переговорные конфигурации, комфортные сегодня, через 30–40 лет окажутся полностью несостоятельными.

Стратегический ответ Кыргызстана на климатический вызов должен строиться на трёх взаимосвязанных принципах. *Принцип адаптивного управления* предполагает переход к гибким механизмам водораспределения, учитывающим изменение водности рек в режиме реального времени. *Принцип климатической справедливости* (climate justice) обосновывает требование международного финансирования адаптационных мер

в Кыргызстане со стороны крупнейших эмитентов парниковых газов – стран, несущих ответственность за потепление, угрожающее ледникам. *Принцип превентивной дипломатии* требует заключения региональных соглашений о распределении сокращающегося водного ресурса до наступления острой фазы дефицита, когда переговорные позиции неизбежно ужесточатся.

Многополярность и водная дипломатия: новые акторы и ресурсы. Трансформация глобального порядка открывает для Кыргызстана принципиально новые возможности в водно-дипломатической сфере. В условиях советской биполярности у Кыргызстана фактически не было выбора партнёров для реализации крупных водохозяйственных проектов. Постсоветская монополярность ограничивала выбор преимущественно западными институтами развития. Формирующаяся многополярность меняет эту конфигурацию.

Китай рассматривает водную безопасность Синьцзяна как стратегический приоритет, и часть соответствующего водного баланса формируется на кыргызской территории: сток рек системы Сары-Джаз – Аксу уходит с Восточного Тянь-Шаня в сторону Таримской впадины. Это создаёт структурную основу для водно-инфраструктурного партнёрства в рамках инициативы «Пояс и путь». Исламские финансовые институты – Исламский банк развития, Исламская корпорация по развитию частного сектора – предлагают альтернативные условия финансирования, зачастую более привлекательные для проектов социальной инфраструктуры водоснабжения. Зелёные климатические фонды (Green Climate Fund, GEF, Adaptation Fund) аккумулируют ресурсы, принципиально совместимые с задачами Кыргызстана по адаптации к климатическим изменениям и сохранению ледниковых экосистем. Состав Координационного донорского комитета по Камбаратинской ГЭС-1 – Всемирный банк, АБР, АБИИ, ЕИБ, ЕБРР, Исламский банк развития, Арабская координационная группа, Фонд ОПЕК и другие – наглядно показывает, что многополярное финансирование уже стало практикой, а не гипотезой [19].

Оптимальная стратегия использования многополярности в водной

дипломатии – портфельная диверсификация партнёрств. Для каждого класса задач (строительство крупных ГЭС, модернизация ирригации, адаптация к климату, институциональные реформы) целесообразно определять специфический набор партнёров, избегая монозависимости. Критически важно при этом не допустить превращения водного вопроса в инструмент геополитического соперничества внешних держав, в котором интересы самих центральноазиатских государств будут вторичны.

Приоритеты водной политики: внутреннее измерение. Успех внешней водной дипломатии находится в прямой зависимости от качества внутреннего водопользования. Здесь ситуация остаётся серьёзной. Согласно данным Национального статистического комитета, приводимым в Национальной водной стратегии, потери воды при транспортировке по территории республики составили 2198,7 млн м³ при общем объёме водозабора 8017,9 млн м³. Сам документ определяет эту долю как 24,7 %, тогда как приведённые в нём же абсолютные величины дают 27,4 %; расхождение невелико по масштабу, но показательно – оно относится к состоянию национального водоучёта, то есть к той самой сфере, дефекты которой Стратегия и фиксирует. Ещё показательнее соотношение забранной и фактически использованной воды в сельскохозяйственном секторе: расхождение достигает 3,50 км³ в год, что сама Стратегия квалифицирует как свидетельство неэффективного и нерационального водопользования [1]. Причина кроется в физическом состоянии инфраструктуры: значительная часть магистральных и распределительных каналов была сооружена ещё в советские годы и с тех пор не проходила ни комплексной модернизации, ни планового капитального ремонта. Положение усугубляет тарифная модель: годовой сбор за услуги по поставке поливной воды покрывает лишь 6–10 % фактически выделяемых на отрасль средств республиканского бюджета [1], то есть система эксплуатируется в режиме постоянного недофинансирования воспроизводства.

Национальная водная стратегия до 2040 года очерчивает инфраструктурную повестку в данной сфере: строительство новых водохранилищ для

многолетнего регулирования стока, реконструкция ирригационных каналов, внедрение капельного и иных водосберегающих методов полива, цифровизация водоучёта, развёртывание современных систем гидрологического мониторинга и прогнозирования. С точки зрения переговорной стратегии эти меры имеют двойное значение: они одновременно укрепляют национальную водную безопасность и формируют необходимую нормативную состоятельность позиции КР на международных площадках. Государство, которое предъявляет требования к эффективности водопользования соседей, обязано демонстрировать собственный прогресс в этой сфере – иначе любая декларируемая позиция утрачивает убедительность в глазах партнёров.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие основные **выводы**.

Водная дипломатия Кыргызстана вступает в период принципиальной трансформации, обусловленной конвергенцией климатических и геополитических изменений. Действующая нормативная база – Водный кодекс Кыргызской Республики, Национальная водная стратегия Кыргызской Республики до 2040 года – создаёт необходимые, но недостаточные условия для реализации суверенных водных интересов страны.

Концепция «водного суверенитета развития», предложенная К.К. Рахимовым [7], даёт нормативную основу для перехода от пассивного статуса страны-донора воды к активной позиции держателя и управляющего стратегическим ресурсом, имеющего законные права на долю в выгодах от его использования. Вклад настоящей статьи состоит не во введении этой концепции, а в её правовой операционализации применительно к Кыргызской Республике: показано, что статья 4 Водного кодекса 2025 года превращает доктринальное притязание во внутреннюю правовую норму. Механизмы оплаты экосистемных услуг, участия в капитале гидроэнергетических проектов и регионального водно-энергетического консорциума образуют операциональный инструментарий данной концепции. Отличие этой рамки от утвердившегося подхода разделения выгод носит не терминологический, а источниковый характер: притязание государства верховья выводится из правового

титута и измеримых издержек содержания водорегулирующей функции, а не из переговорной силы момента. Достижимость же любого из перечисленных механизмов ограничена уровнем гидродоверия в регионе, что делает укрепление доверия и верификацию данных о стоке не сопутствующей, а несущей задачей водной дипломатии Кыргызской Республики [14].

Ледниковый кризис вводит временной ограничитель: окно для заключения сбалансированных региональных водных соглашений открыто сегодня, когда относительный водный баланс ещё поддаётся управлению. Промедление угрожает переходом к конфронтационной модели водных отношений в условиях острого дефицита, преодолеть который многократно сложнее. Водная дипломатия Кыргызской Республики должна воспринимать этот временной горизонт как стратегический ориентир и действовать соответственно.

Поступила: 27.03.2026;

рецензирована: 10.04.2026; принята: 13.04.2026.

Литература

1. Указ Президента Кыргызской Республики от 10 февраля 2023 года УП № 23 «О Национальной водной стратегии Кыргызской Республики до 2040 года». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/434906/edition/1230660/ru> (дата обращения: 06.04.2026).
2. Farinotti D. Substantial glacier mass loss in the Tien Shan over the past 50 years / D. Farinotti, L. Longuevergne, G. Moholdt et al. // *Nature Geoscience*. 2015. Vol. 8. No. 9. P. 716–722. DOI: 10.1038/ngeo2513.
3. Sorg A. Climate change impacts on glaciers and runoff in Tien Shan (Central Asia) / A. Sorg, T. Bolch, M. Stoffel, O. Solomina, M. Beniston // *Nature Climate Change*. 2012. Vol. 2. No. 10. P. 725–731. DOI: 10.1038/nclimate1592.
4. Sadoff C.W. Beyond the River: The Benefits of Cooperation on International Rivers / C.W. Sadoff, D. Grey // *Water Policy*. 2002. Vol. 4. No. 5. P. 389–403.
5. Zeitoun M. Hydro-hegemony: a framework for analysis of trans-boundary water conflicts / M. Zeitoun, J. Warner // *Water Policy*. 2006. Vol. 8. No. 5. P. 435–460.
6. Menga F. Power and Water in Central Asia / F. Menga. London; New York: Routledge, 2017. 194 p. DOI: 10.4324/9781315559179.
7. Rakhimov K. Water Sovereignty for Development (WSD): A Doctrinal Framework for Upstream States in Multipolar Central Asia / K. Rakhimov // SSRN Working Paper Series. 2026. Abstract ID 6726298. URL: <https://ssrn.com/abstract=6726298> (дата обращения: 07.04.2026).
8. Водный кодекс Кыргызской Республики от 27 июня 2025 года № 128. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-46/edition/34157/ru> (дата обращения: 06.04.2026).
9. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи ООН от 21 мая 1997 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 06.04.2026).
10. Постановление Президента Республики Узбекистан от 9 августа 2007 года N ПП-683 «О присоединении к международным договорам». URL: https://nrm.uz/contentf?doc=132384_postanovlenie_prezidenta_respubliki_uzbekistan_ot_09_08_2007_g_n_pp-683_o_prisoedinenii_k_mezhdunarodnym_dogovoram&products=1_zakonodatelstvo_respubliki_uzbekistan (дата обращения: 06.04.2026).
11. Benvenisti E. Harnessing International Law to Determine Israeli-Palestinian Water Rights: The Mountain Aquifer / E. Benvenisti, H. Gvirtzman // *Natural Resources Journal*. 1993. Vol. 33. No. 3. P. 543–567.
12. О позиции Кыргызской Республики по реформированию Международного фонда спасения Арала: выступление Президента Кыргызской Республики на саммите глав государств – учредителей МФСА, 2018 г. URL: <http://www.president.kg/ru/sobytiya/12245> (дата обращения: 06.04.2026).
13. Заседание Совета глав государств – учредителей Международного фонда спасения Арала, г. Астана, 22 апреля 2026 года. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-provel-zasedanie-soveta-glav-gosudarstv-uchrediteley-mezhdunarodnogo-fonda-spaseniya-arala-2234552> (дата обращения: 06.04.2026).
14. Рахимов К.К. Гидродоверие в Центральной Азии / К.К. Рахимов, А.Э. Джоробекова // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 1. С. 55–65. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-1-55-65.

15. Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии: доклад / Евразийский банк развития. М., 2021.
16. *Wunder S.* Payments for Environmental Services: Some Nuts and Bolts / S. Wunder // CIFOR Occasional Paper. 2005. No. 42.
17. О завершении программы модернизации Токтогульской ГЭС и вводе четвёртого гидроагрегата, 18 ноября 2025 года // Economist.kg. URL: <https://economist.kg/enierghietika/2025/11/18/toktoghulskaaia-ges-poluchila-240-mvt-poslie-polnoi-modiarnizatsii/> (дата обращения: 06.04.2026).
18. Межведомственное соглашение о подготовке к реализации проекта строительства и эксплуатации Камбаратинской ГЭС-1 между министерствами энергетики Кыргызской Республики, Республики Казахстан и Республики Узбекистан. Вена, 11 июня 2024 г.
19. Камбаратинская ГЭС-1: официальный сайт проекта / Министерство энергетики Кыргызской Республики. URL: <https://kambarata1.org> (дата обращения: 06.04.2026).
20. О параметрах финансирования проекта Камбар-Атинской ГЭС-1: сообщение по итогам заявлений Министерства энергетики Кыргызской Республики, октябрь 2025 года // Tazabek. URL: <https://www.tazabek.kg/news:2510200> (дата обращения: 06.04.2026).
21. *Гусев Л.Ю.* Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможные пути их решения / Л.Ю. Гусев // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6 (33). С. 34–41. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-6-33-34-41.
22. *Джекишенкулов А.Дж.* Проблемы воды и энергии в странах Центральной Азии: новый взгляд / А.Дж. Джекишенкулов, К.К. Рахимов // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2026. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/problems-vody-i-energii-v-stranakh-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 06.04.2026).
23. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Chapter 10: Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. P. 1457–1579.
24. *Hock R.* High Mountain Areas / R. Hock, G. Rasul, C. Adler et al. // IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 131–202. DOI: 10.1017/9781009157964.004.
25. *Kraaijenbrink P.D.A.* Impact of a global temperature rise of 1.5 degrees Celsius on Asia's glaciers / P.D.A. Kraaijenbrink, M.F.P. Bierkens, A.F. Lutz, W.W. Immerzeel // Nature. 2017. Vol. 549. No. 7671. P. 257–260. DOI: 10.1038/nature23878.